

СОГЛАСИСЬ, ПУСТЬ БУДЕТ —
НЕ БЕСПЛАТНОЕ, ЛИПОВОЕ...
МЕРТВЕННОЕ... ВАТНОЕ,
С ДАРСТВЕННОЙ
НА ВЫЦВЕТШЕМ БОКУ —
ПОДАРИ МНЕ НЕБО,
ХОТЬ ПЛАКАТНОЕ,
Я ЕГО ПРИКЛЕЮ К ПОТОЛКУ...

КЛИШЕ

ПОЛИНА РАЕВСКАЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Полина Александровна Раевская

Клише

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48581856

SelfPub; 2019

Аннотация

– Попахивает клише, – слабо отозвалась я и стиснула гладышевскую руку, хватаясь за неё, как за спасательный круг.– А тебе не всё равно? – тихо уточнил он дрожащим голосом и, склонившись надо мной, заключил моё лицо в ладони, всматриваясь лихорадочным от страха взглядом.– Всё равно, – выдохнула я ему почти в губы. – Лишь бы с тобой где-нибудь рядом и как-нибудь навсегда.... От автора: 3 часть романа "Каюсь"Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	52
Глава 4	73
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Глава 1

«...сомневаюсь, что найдется еще такая дура, которая полюбит тебя со всеми твоими задвигами. А я... да, я – та дура, Олеженька, у которой счастье тобой начиналось и тобой же закончилось.»

(с) Яна

Говорят, человек может справиться со всем, что выпадает на его долю, ибо нам не даётся больше, чем мы способны вынести. До сегодняшнего дня я был с этим абсолютно согласен. Мне вообще казалось, что в этой жизни не осталось ничего, что могло бы выбить меня из колеи.

Я отгородился.

Отгородился от всего, что способно было пошатнуть моё душевное равновесие: от малейших привязанностей и чувств, от людей, прошлого и воспоминаний. Я намертво замуравал себя в стены цинизма, безразличия и пустоты.

Полнейший душевный коллапс. Эмоциональная контузия.

Только дети напоминали мне о том, что я всё ещё живой, что там – внутри, за этими стенами осталось то небольшое, не убитое едкой ненавистью, сумасшедшей злобой и дикой, агонизирующей болью.

Только дети и Она...

Её проклятуший взгляд, сразивший меня когда-то напо-

вал. Он до сих пор, словно дефибриллятор по сердцу, прошивал насквозь. Стоило только взглянуть в эти полные задушенной боли и невыносимой горечи, глаза, как оно заводилось, оживало на секунду в каком-то мстительном биении.

Да, на короткий миг я испытывал удовлетворение от её боли. Захлебываясь ей, пил жадными глотками, пытаюсь заполнить мёртвую пустоту, что она оставила после себя, но уже в следующее мгновение меня начинало выворачивать наизнанку, и эта пустота, подобно раковой опухоли разрасталась во мне ещё сильнее, чем прежде.

Я не мог находиться рядом с Чайкой, дышать с ней одним воздухом не мог, и в тоже время у меня не хватало сил полностью вычеркнуть её из своей жизни, мне необходима была доза её боли, её раскаянья и вины. Мне нужно было знать, что она всё ещё...

Зачем? Возможно, из-за уязвлённого самолюбия, а может, потому что не смотря ни на что, и как бы не отнекивался, и не отрицал, я тоже...

Я тоже, мать её, всё ещё...

Хотя в последнее время, казалось, что, наконец, отболело, что больше не ломает по ней, не скручивает от желания поехать и... Не знаю, что бы я сделал после этого «и». До сих пор не знаю, хотя, к моему стыду, шанс был.

Однажды, давно ещё, на заре её звёздной карьеры, в СМИ пустили слух, что она якобы начала встречаться с каким-то популярным рэпером. Я не был в курсе планов Илоны, и как

придурок, повёлся. Меня эта новость ошарашила настолько, что я перестал соображать. Увидел Чайку на фото в обнимку с каким-то г*ндоном, и перемкнуло от бешенства. Она была такой довольной и смотрела на него так, как только эта сука умеет: сводя с ума, отключая у мужика всякую разумную мысль, кроме нестерпимого, навязчивого желания оттрахать её. И у меня тоже разум отключился.

Озверев, я приперся к ней на квартиру, но её не оказалось дома. Это привело меня в ещё большую ярость. Будучи на взводе, сразу же решил, что она у своего хахаля. Но вместо того, чтобы поехать домой, остался ждать в машине, как конченный псих, хлеща какое-то дешёвое пойло из магазина напротив.

Внутри у меня всё кипело, на части рвало от бушующих в душе противоречий. Я вспоминал её бесконечное враньё, её измены и представлял, как убиваю: душу, крепко сжимая тонкую шею, глядя в лживые глаза. И в тоже время мне хотелось без лишних разговоров поставить её раком к стене и отодрать, как дешёвую шлюху, коей она и являлась.

Хотелось вот так примитивно выпустить пар, выплеснуть всё, что накопилось, что я так и не высказал. Хотелось... Да чего таить?! Просто хотелось. До дрожи. До боли. До ломоты. Утонуть в ней, раствориться и забыть. Обо всем забыть, стереть напрочь память, чтобы просто любить её без всяких «но» и быть счастливым в неведении. Пусть, как лох, как последний кретин лишь бы не эта сжирающая заживо пустота.

Да, иногда я считал, что лучше бы Чайке удалось дурануть меня. Так было бы проще и легче. А правда... Да кому она нахрен нужна?! Мир борется не за правду, а за счастье и плевать всем, каким путём это счастье достается. Вот такие мысли всплывали по временам. И я презирал себя за эти приступы малодушия, и ненавидел Чайку за всё, что она с нами сделала.

В тот вечер эта ненависть достигла апогея. До чего бы она меня пьяного довела, одному богу известно, но Чайка, к счастью, заявила только под утро, к тому времени алкоголь и эмоции практически перестали дурманить мою голову. Я перекипел, эмоционально выгорел, а потому смотрел, как она выходит из машины без особого интереса и уж тем более, желания подойти. Да и зачем? По её виду было понятно, что ни о каком любовнике не может быть и речи.

Уставшая, как собака, не покрашенная, в трениках и с растрепанной шишкой на голове она бы под дулом пистолета не отправилась к мужику, не считая, конечно, нашего первого раза. Воспоминания о Чайке в тот вечер вызвали у меня невольную улыбку, которая тут же сменилась глухой болью и горечью от того, что нельзя отмотать ленту жизни назад и сделать все правильно.

Интересно, как бы всё сложилось, если бы мы не наломали столько дров? Какой бы стала Янка без всей этой грязи, в которой мы медленно, но верно утопили друг друга?

Этого я уже никогда не узнаю, но, несмотря ни на что, мне

хотелось верить, что мы могли бы быть счастливы вместе. Ведь были же! Пусть недолго, с переменным успехом, но были. Так были, что теперь жизнь казалась невыносимо – бессмысленной, особенно, от понимания, что так, как раньше больше никогда не будет, что больше уже вообще ничего не будет. Я не позволю.

В конце концов, зачем, если меня клинит: то убить её хочется, то отыметь, то ещё как-нибудь унижить, растоптать, размазать?! И ведь она бы это всё мне позволила, слова бы не сказала. Но опять же зачем? Разве мы бы стали чище, испулавшись в очередных помоях?

Поэтому я просто сидел, смотрел на неё больным с похмелья взглядом, понимая, что пора уже поставить точку, пора отпустить.

И я вроде как отпустил: перестал вмешиваться в её жизнь, направлять и контролировать каждый шаг, свёл к минимуму потенциальные встречи и вообще всякое общение. В какой-то момент стало даже легче, я успокоился, привык к своей жизни «наполовину», довольствуясь тем, что есть, не сравнивая и не вспоминая. Меня больше не ломало, не клинило, не рвало на части при виде Чайки. Это радовало, я, можно сказать, был от этого почти счастлив, не понимая главного – что всё так или иначе сводиться к ней. Но судьба или кто там за это ответственный, как и всегда, не позволила мне насладиться фейковым покоем. Впечатала мордой в реальность, вышибая из меня весь дух, делая в очередной раз

мою жизнь на «до» и «после».

И вот сижу я, смотрю на свои окровавленные ладони и понимаю, что никакого «после» для меня уже не будет, если с Янкой что-то случится. Ничего больше не будет, ибо она и была всем – смыслом моей жизни. Что бы я ни делал, прямо или косвенно было связано с ней: все эти мои попытки отпустить, забыть, вычеркнуть. Я только этим и жил последние шесть лет. Все мои силы, мысли и стремления были направлены на то, чтобы убедить себя, что не люблю её больше. И ведь я преуспел в самообмане, решив, что моё спокойствие – это то самое «отпустил», но на самом деле я просто, наконец, простил её. По-настоящему простил, поэтому меня больше не душила злоба и ненависть, не тяготило её присутствие, и не возникало грязных желаний. Я сбросил с себя этот, прижимающий к самой земле, груз, но я не отпустил её, не отпустил и никогда не отпускал. Я наказывал её из года в год, зная, что всегда могу вернуться, что она ждёт. А теперь...

Я еще мало, что понимал, но одно знал точно – для меня все кончиться, если она умрёт. Я не смогу жить в мире, где её нет, где нет ни единой возможности вернуться. Кого мне тогда «забывать», кого «не любить», кого «отпускать»? Что вообще делать и как жить после всего этого, зная, что не уберег, что столько лет потратил впустую, а ведь мог...

Боже, сколько всего я мог! Сколько всего могли мы, если бы я слушал отца и мать, и усмирил свой «желчный, дрянной характер», если бы поставил интересы ребенка и семьи

выше собственных? Но что толку теперь об этом говорить? Хуже мне уже не станет и уж тем более, лучше, сколько бы не утверждали, что человек может со всем справиться.

Нет, не со всем. Не со смертью любимого человека точно. А Янка... Янка была, есть и будет моей любимой женщиной. Сколько бы я не отрицал, сколько бы не подавлял, не пытался утопить в алкоголе и других женщинах, люблю её. Все ещё люблю и всегда буду!

—Папа! — вдруг ворвался в мои мысли дрожащий, испуганный голосок сына.

Я диким, дезориентированным взглядом огляделся вокруг, не понимая, что вообще происходит, и что здесь делают все эти разряженные люди, заполняющие коридор у операционной. Меня трясло, как в лихорадке от ужаса и напряжения. Я вообще не соображал. В крови по-прежнему кипел адреналин, поэтому, когда увидел заплаканного Сашку на руках у кого-то из родственников — в тот момент я даже людей не узнавал, находясь в состоянии аффекта — я просто сорвался, слетел с катушек, дав волю отчаянию и панике.

—Какого хера вы его сюда притащили?! Совсем дебилы?! — заорал я на всю клинику, и преодолев разделяющее нас расстояние, выхватил сына из рук, как оказалось, сестры.

—Папа, — всхлипнул он, и прижавшись ко мне, разразился еще большими слезами. Было ясно, что у ребёнка испуг и шок. Меня это всё довело до такого бешенства, что я напрочь утратил контроль.

Что я орал и кому, не помню, но судя по ошарашенным лицам родных и сбежавшихся на шум медсестер, явно перегнул палку. К счастью, мой припадок длился недолго, до меня вскоре дошло, что своими криками я еще больше пугаю сына.

Уткнувшись мне в плечо, Саша дрожал всем тельцем, плача навзрыд. Его дрожь передалась и мне. И как-то так резко отпустило, что силы покинули. Меня вдруг по голове шарахнуло осознанием того, что я по чистой случайности не потерял сына.

Господи, если бы с ним что-то произошло, я... Я не знаю, что бы было и знать не хочу, но уже от одной мысли внутри все сжалось, меня заколотило всего, как припадочного от накатившего ужаса. Я прижал Сашку еще сильнее и уткнувшись носом в его волосы, втянул сладкий аромат своего ребёнка, испытывая такое облегчение, что слезы навернулись на глаза.

—Сынок, — выдохнул я, целуя его в висок. — Не плач, зайчонок, не плач. Папа рядом...

Я что-то ещё приговаривал, расхаживая взад-вперед, целовал Сашку, качал, как маленького, и не понимал, как мог оставить его на попечение каким-то нянькам? Как мог фактически отнять у него мать? Ведь я сделал всё, чтобы Чайка приняла предложение Мачабели. Я создал настолько психологически -невыносимую обстановку для неё, что ей просто ничего иного не оставалось. Я всё-таки использовал сы-

на, чтобы отомстить ей. Изощёренно, тонко и под личиной помощи, но мои мотивы были исключительно эгоистичны, и если отбросить все нюансы, то получается, я поступил с Сашей в точности, как когда-то с Лесей. Но если тогда у меня было хоть какое-то оправдание, то сейчас нет. В угоду своим страхам, слабостям и мстительности я лишил его нормальной семьи.

—Где мама? — заикаясь, спросил он, потирая кулачками свои покрасневшие глазки.

—Сынок, — тяжело сглотнув, заглянул я ему в лицо, пытаюсь подобрать слова, в который раз поражаясь, до чего же он похож на Янку: тот же ротик в форме лука, тот же чуть вздернутый, аккуратный носик, тот же разрез глаз, только цвет мой, а остальное всё её, даже веснушки на носу, как у неё, и меня это всегда умиляло, вызывало какой-то трепет. Сейчас же, я вдруг с ужасом подумал, а что если всё не случайно? Что если наши судьбы расписаны от и до, и то, что он похож на неё — это такая насмешка, прощальный подарок?

Где-то на краю сознания, я понимал, что это просто фереичный бред, но в том состоянии, в котором я находился идиотские мысли, пожалуй, были в норме.

—Я хочу к маме! — так и не дождавшись от меня ответа, расплакался Сашка. — Где моя мама?

—Сынок, мама... Мама сейчас у доктора, она..., — попытался я что-то объяснить, но Саша вдруг перебил меня, тихо спросив:

—Она умрёт?

От этого вопроса я растерялся, не зная, что ответить. Я не мог врать, не мог обнадеживать ребёнка, поэтому сказал, как есть:

—Я очень надеюсь, что нет, сынок. Очень...

У Саши задрожали губки, но словно всё поняв, он тяжело вздохнул, и опустив голову мне на плечо, стал тихо, как-то так беззвучно плакать.

Я очень хотел его успокоить, сказать, что с мамой всё будет в порядке, но я не мог обещать того, в чем не был уверен, поэтому просто поглаживал его по спинке и расхаживая по коридору, напевал какую-то песенку, не обращая внимания на родных.

Мама и Алёнка пару раз пытались забрать у меня Сашку и вразумить, что нужно сменить окровавленную одежду и самому пройти осмотр у врача, но я отмахивался от них, не в силах больше ни о чём думать, кроме Янки.

Я не знал ни одной молитвы, но я молился со всем отчаянием и страхом, как ребёнок повторяя всего лишь одно слово: «Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста!».

За этим занятием я не заметил, как Саша уснул и как наступило утро. Я вообще ничего не замечал, погруженный в себя. Мне с одной стороны хотелось, чтобы эта пытка поскорее кончилась, и в то же время я до смерти боялся того момента, когда дверь операционной откроется, и врач объявит приговор.

Поэтому, когда он настал, я застыл, и вместе со мной замер весь мир, лишь сердце в груди колотилось с такой скоростью, что казалось вырвется из груди. И оно вырвалось. Вырвалось из тисков страха и ужаса, когда врач произнес заветные слова: «Операция прошла успешно. Кризис миновал.».

Я плохо помню, что было потом, все мелькало перед глазами, в ушах стоял гул из голосов родственников и друзей. Меня кто-то обнимал, целовал, похлопывал по плечу. А я просто оцепенел, не в силах поверить, что жизнь продолжается. Что у меня теперь есть шанс на эту самую жизнь.

Сжав Сашку с такой силой, что он проснулся, я уткнулся ему в шею и дал себе волю, не в силах сдержать слёзы счастья и облегчения. Сколько это всё продолжалось, я не знаю и как мы оказались в машине тоже. Очнулся я только, когда мы приехали домой и навстречу нам вышла Алиса.

—Олег, господи, я как узнала, чуть с ума не сошла! — бросилась она мне на шею и покрывая поцелуями мое лицо, тараторила без умолку.

Я же до сих пор не мог прийти в себя, смотрел на неё, как баран на новые ворота и ни черта не понимал.

—Пап, а это кто? — резонно заметил Сашка, недоуменно взирая на меня.

И я, честно говоря, теперь тоже не знал ответ на этот вопрос.

Глава 2

«Как говорил Уайльд: «Мужчина может быть счастлив с любой женщиной – при условии, что он ее не любит.» С Алиской я спокоен: знаю, чего ждать от нее, а главное – от себя. Это ли не счастье?»

(с) Олег

Всё-таки удивительная штука жизнь. Ещё вчера я с уверенностью заявлял, что вполне счастлив с Алисой. Уайльда даже цитировал. А теперь...

Смешно и странно до жути. Как ни крути, шесть лет вместе – это серьёзно, а для меня и вовсе самые длительные отношения, но что по итогу?

Чужая женщина, о которой я совершенно ничего не знаю. Не знаю, чем она живёт, о чём мечтает, чего боится, о чём плачет, чему радуется, что её по-настоящему веселит. И что самое, наверное, ужасное, не хочу ничего знать.

Мне не интересно.

Я никогда раньше не анализировал наши отношения. Вообще как-то не акцентировал на них внимание. Да и зачем? Всё было просто и понятно: регулярный секс, совместные выходы в свет, необременительное общение. Алиса всегда была под рукой и знала, что от неё требуется, я в свою очередь понимал, чего она ждёт от меня. Но сейчас...

Смотрел на неё и у меня мороз по коже шёл. Шесть лет

взаимного равнодушия! Это надо умудриться. Как сказала бы Чайка: охренеть чё! И я охреневал с приколов моей жизни: хотел покоя и получил – прожил покойником шесть лет. Это ли не счастье?!

Смешно, если бы не так грустно.

Права Янка: дурак я, не расшибаемый об дорогу. Вот только как это объяснить сыну? Что ему ответить? Ведь он не просто так нахмурился и сверлит взглядом исподлобья. Понимает всё. У детей вообще какое-то особое чутьё на тех самых тёт и дядь, занимающих «неположенное» им место в жизни родителей. И очень сложно подобрать слова, чтобы объяснить ребёнку, почему вдруг рядом с тобой эта тётка, а не мама. Хорошо, когда любишь, тогда всё гораздо проще. О правильных вещах вообще говорить легко. Но что сказать, если нет ни любви, ни привязанности? Что мне ответить сыну? Кто для меня Алиса?

Можно, конечно, отделаться простым «никто», тем более, что по сути это правда, но тогда придется объяснять, почему «никто» целует его папу. А разве ребёнку объяснишь, что взрослый мир настолько уродлив, что можно с «никто» шесть лет провести ни о чём? Думаю, риторический вопрос. Я себе-то с трудом это могу объяснить, а Сашке и подавно.

Спасибо маме, избавившей меня от необходимости выкручиваться. Когда они с отцом вошли в дом, внимание Саши тут же переключилось на них.

–Бабушка, – протянул он к ней ручки, всем своим видом

демонстрируя, что ему не по душе моя гостья и я с ней заодно.

Естественно, меня это покорило. После всего произошедшего мне ни на минуту не хотелось выпускать сына из рук. Мне необходимо было чувствовать его тепло, его запах, биение его сердца, да и он сейчас нуждался во мне, поэтому этот Алискин визит вежливости или чего-то там был совершенно некстати, и не на шутку меня взбесил.

Какого вообще хрена она припёрлась?!

Нет, я объективно, конечно, всё понимаю, вроде как столько лет вместе, вроде как и нечужие, и вроде как надо проявить участие, но в том и дело, что всё сводится к «вроде как», и сейчас явно не лучшее время для показухи. Уж это Алиса должна понимать, но она почему-то делала вид, что ей тут самое место.

Впрочем, не «почему-то», а по вполне понятным причинам. Я ведь не пресёк слухи о свадьбе, более того, даже подумывал: а почему, собственно, нет. Моя политическая карьера шла в гору, брак добавил бы существенный плюс в имидж. Мои имиджмейкеры не уставали талдычить об этом, поэтому да – я рассматривал такой вариант и сквозь пальцы смотрел на Алискины намёки. Однако никаких поводов, чтобы строить планы и распускать слухи не давал. Она же, несмотря на свой ум, как и всякая баба восприняла отсутствие возражений за добрый знак и уже, судя по всему, переехала в мой дом и покупала новые портьеры.

Не устаю поражаться женской логике!

Что ж, придется объяснить, что у мужиков молчание – это не знак согласия, а скорее всего, затянувшейся мыслительный процесс.

Удивительно, что «девочка» за тридцать этого до сих пор не понимает, мне всегда казалось, что Алиса здравомыслящий, рациональный человек, но видимо, женщина – это всё-таки диагноз.

–Пап, ну, отпусти, – надувшись, бурчит меж тем Сашка, возвращая меня в реальный мир. Тяжело вздохнув, нехотя опускаю его на пол. Он не теряя времени, спешит к бабушке. Мама, подхватив его на руки, с чувством целует.

–Я хочу к маме, – обняв её, шепчет Саша со слезами в голосе

До меня же только сейчас доходит, что ему в данный момент нужнее женское сюсюканье, нежели отцовская скупая ласка. С отцом ведь не покуксишься, не поплачешь в волю. С отцом, что как говорится, надо держаться взрослым парнем. И дело вовсе не в том, что я себя так поставил. Нет. Это нормальное желание любого мальчишки – быть в глазах отца сильным. Для слабостей, слез и нежностей есть мать. С ней можно быть мальчиком, зайчиком, малышом, пупсиком – да кем угодно, с отцом же – всегда мужиком. Поэтому подавляю в себе вдруг вспыхнувшую ревность, и перевожу недовольный взгляд на Алису.

Она с натянутой улыбкой следит за моей матерью и сы-

ном, видимо, выжидая момент, когда сможет представиться. Но мама, как ни странно, делала вид, будто Алисы вовсе не существует, и отец от неё не отставал, сконцентрировав всё внимание на внуке.

—Внучок, сейчас поспишь маленечко, отдохнешь, а потом поедem к мамульке твоей,— улыбнувшись, пообещал он. — Она, как раз, тоже отдохнет и сил наберется.

—А вдруг она проснется, а меня не будет, — забеспокоился Саша.

—Тогда она сразу тебе позвонит, милый. Ты же её главный человек, — успокоила его мама, целуя в макушку. — Но сейчас нужно покушать и поспать, чтобы мама не расстраивалась, увидев тебя сонным и уставшим.

—Нет, я не буду спать, мне надо ей подарок сделать.

—Мы обязательно всё успеем, родной. И подарок сделаем...

—И Начос надо купить, мама его очень любит. Она даже мой съедает, когда мы ужастики смотрим, — пожаловался он, вызывая у нас улыбки.

—И Начос, — пообещала мама. — Много Начоса.

—Нет, много нельзя, — покачал головой Сашка и хихикнув, шепнул, чтобы никто не услышал. — А то у мамы попа охренеет и поползёт.

Услышав сей пёрл, я едва сдержал смешок. Чайка, как и всегда, неподражаема. Сашка наверняка за ней повторяет.

—Не волнуйся, твоей маме это не грозит, — словно прочи-

тав мои мысли, заверила мама со смехом.

Вот уж точно. Чайкина задница уже давно охреневает от приключений, хотя конечно, Вера Эдуардовна имела в виду совершенно другое.

—Ну что, пойдём купаться да баиньки? — подмигнув, с энтузиазмом предложила она Саше. Он закивал, а после повернулся ко мне.

—Пап, а ты когда придёшь? — косясь на Алису, уточнили этот хитрец, как бы говоря: «Ты давай там, не задерживайся с этой тёткой.»

—Скоро, сынок. Иди пока купайся.

—Приходи скорее.

—Хорошо, — улыбнулся я моему маленькому манипулятору.

—Олег, ты не представишь меня? — нарушила нашу идиллию Алиса, поняв, что если не возьмет дело в свои руки, то скорее всего, так и останется в тени.

Не то, чтобы я её намеренно игнорировал, просто после пережитой ночи мне было как-то не до вежливых реверансов. Я вообще ели на ногах стоял. Такая усталость накатила, что единственным моим желанием было поскорее добраться до горизонтальной поверхности, поэтому перспектива разбираться с Алисой меня не то, что не радовала, она убивала. Но куда деваться?

Тяжело вздохнув, сухо представляю её родителям, как свою давнюю знакомую. Мама, ничего не говоря, просто кив-

нула, а отец вообще проигнорировал этот момент.

– Ладно, пойду я, дерну пару капель, – недовольно отмахнувшись, заявил он.

– Саша, ты с ума сошёл – с утра пить?! – сразу же возмутилась мама.

– Сойдешь тут с ума, – пробурчал он и потрепав Сашку по волосам, направился на второй этаж.

– Мы тоже пошли, – легонечко коснувшись моего плеча, объявила мама. – Всего доброго вам, Алиса, – бросила она на ходу, недвусмысленно дав понять, чтобы та не задерживалась.

Не знаю, чего ожидала Алиса, но явно не такого приёма. Я, честно говоря, и сам удивлён, что родители повели себя столь холодно, но учитывая пережитый стресс, понять их можно.

Однако Алиска, судя по всему, этого делать не собиралась. Глаза загорелись, губы сжались в тонкую полоску – того и гляди, разорвёт бедняжку от негодования. И меня, как ни странно, это повеселило даже порадовало. Впервые какая-то эмоция, впервые намечается скандал.

С ума сойти! Вот и думай после этого, а любовь ли самый прочный фундамент в отношениях?

Усмехнувшись своим мыслям, качая головой и махнув Алиске, чтобы шла следом, направляюсь в кабинет, мечтая, поскорее расставить все точки над «I».

Возможно, на эмоциях и под влиянием момента этого де-

лать не следует, но с другой стороны – а чего, собственно, тянуть? И так уже дотянул дальше некуда, а проблем и без того выше крыши, чтобы еще тратить свои силы и нервы на женщину, которая по сути не нужна. Тут бы на ту, что нужна хватило, не говоря уже о ком-то ещё.

Размышляя об этом, я расположился в кресле и едва не застонал. Этот г*ндон-таки попал мне пару раз в корпус. И вот думаешь, то ли я на эмоциях пропускать стал, то ли сноровку потерял, то ли возраст начал сказываться: сорок пять – это ведь уже не двадцать и даже не тридцать. Хотя дури на то, чтобы размотать таких вот молодчиков, как этот п*дор ещё хватает всё же. Был бы я помоложе, вообще убил бы его нахрен с одного удара в печень или в висок. Жаль, что сейчас уже так не могу, но ничего... В тюрьме ему устроят такое мракобесие, взвоет сука. Уж я об этом позабочусь. Он у меня потом сам в туалете вскрыется. Тварь.

Всё-таки надо было его тогда ещё закопать, чтоб уж наверняка. Но кто же знал, что он – тупая, необучаемая мразь?! Уж точно ни я. И пусть мне ещё после этого кто-нибудь скажет, что я в людях только плохое вижу. Видел бы, сразу убивал, а я вон шансы даже даю на реабилитацию. Кому сразу, а кому вот через шесть лет. Но даю же! О чём это, интересно, говорит? О том, что я понимающий человек или неизлечимый придурок? Мне почему-то кажется, что второе. Но если выбирать между неизлечимым придурком и покойником, то пожалуй, придурком быть всё же лучше. Поэтому пора бы

уже с Алиской решить вопрос.

– Проходи, Алис Николаевна, присаживайся, – проявил я, наконец, толику гостеприимства, поняв, что скандала так и не дождусь. Но на Алиску это не произвело ровным счётом никакого впечатления.

Не скрывая недовольства, она села напротив и закинула ногу на ногу, демонстрируя точеное бедро. У меня же возникло чувство дежавю, будто вернулся на шесть лет назад, в тот вечер, когда всё у нас с ней завертелось. Помнится, она тогда тоже свои ноги выставляла, и наряд у неё похожий был: юбка с разрезом, просвечивающая блузка да неизменные чулки. Впрочем, она всегда как-то так одевается... без изюминки, четко по каким-то правилам. Вот и в отношениях у нас с ней тоже всё было как-то шаблонно. Даже сразивший меня когда-то минет и тот пошагово можно описать. Не то, чтобы я жаловался, но стоит, наверное, признать, что вся фишка в чувствах. Если они есть, то баба мужика ласкает, пробует на вкус, а если нет – просто сосёт. На физическом уровне это безусловно всего лишь игра слов, но на психологическом – огромная разница, которую никакой «глубокой глоткой» не восполнить, хотя... шесть лет на ней продержаться можно, а может, даже и всю жизнь. К счастью, этого я уже никогда не узнаю, но вот, что хотелось бы прояснить – так это, как Алиска узнала о случившемся. В прессу ведь информация еще не просочилась.

– Ну? И каким ветром тебя сюда занесло? – не стал я хо-

дить вокруг да около.

–В смысле? – обалдела она от моей прямолинейности и не слишком любезного тона. Меня же это начало раздражать. Включила дурочку.

–Слушай, Алис, я устал, как собака, и меня ждёт сын, поэтому нет ни времени, ни желания вести пустые разговоры, так что давай ближе к делу, – попросил я, подавляя тяжёлый вздох.

–Да уж, шикарный приём, – помедлив, протянула она.

–А чего ты хотела, свалившись, словно снег на голову? – резонно заметил, не понимая её претензий.

С какого вообще перепугу она начала эти игры? Неужто грандиозные планы на наше совместное будущее настолько затмили ей разум и реальное положение вещей?

–Ну, хотя бы вежливости, – съязвила она. – В конце концов, я не ради праздного любопытства приехала, а чтобы поддержать тебя. Я переживала!

–Мне интересно, как ты вообще узнала о том, что произошло? – спросил, игнорируя её наезды. Последовавшая реакция удивила и заинтриговала. Алиска вдруг отвела взгляд и даже покраснела.

–Мне сообщили, – коротко оповестила она, натягивая маску невозмутимости.

–В смысле? Кто сообщил? – нахмурившись, не сразу понял я прикола, но когда Алиска не ответила, до меня начало доходить, и я просто охренел от того, насколько, оказывает-

ся, всё запущено. – Ты что, наняла кого-то следить за мной? – ошарашенно уточнил я, не в силах поверить в этот дурдом. Алиска же поняв, что спалилась, вздернула подбородок и с воинственным видом отправила меня в нокаут:

–А по-твоему, я должна была плыть по течению и сквозь пальцы смотреть на то, как ты сходишь с ума по своей Яночке?

Еб*нуться! Вот это она отжигает!

–Ты серьёзно? – выдохнул я и несколько секунд сверлил её таким взглядом, словно впервые увидел, а после зашёлся хохотом, не зная, как ещё реагировать на этот дебилизм.

Господи, в тихом омуте ни то, что черти, в них самая настоящая вакханалия твориться! И почему мне везёт на больных на всю голову баб?! Краплёный я что ли?

–На самом деле смешного в этом мало, Олег, – спокойно заявила Алиса, и я не мог с ней не согласиться. Это не смешно, это страшно, когда у бабы начинается паранойя! Она же продолжила. – Думаешь, я ничего не замечала? Я всё видела, Олег. Видела, как ты на неё смотришь, как зависаешь на билбордах с её лицом, как после каждой встречи заводишься, словно...

–И что? – оборвал я, начиная закипать. Слушать всё это было странно и противно, но не потому что она уличила меня в чём-то постыдном. Нет. Просто я не понимал этого тихушничества и «вуайеризма». Клиника какая-то. Что вообще за бред она несёт? Я ей что, в любви и верности клялся?

Или типа шесть лет обязывают? Так это, простите, цифры. У меня от одного поцелуя с Чайкой впечатлений больше было, чем за все эти шесть лет с Алисой. К чему эта лирика, я понять не могу!

—А то, что я шесть лет на тебя потратила...

—Ты. На. Меня. Потратила? — обалдел я. — Я тебя умоляю, Алиска. Потратила — это когда ничего взамен не получила, а у тебя профит не слабый, так что не надо ...

—Боже мой, Олег, да причем тут это?! — вскричала она с таким возмущенным видом, что я реально чуть не покатылся со смеху.

Нет, бабы — это что-то...

—Тебе напомнить, с чего все началось? — издевательски предложил я.

—И? Я тебе не восемнадцатилетняя идиотка, чтобы растекаться лужицей от одного твоего взгляда, — огрызнулась она, делая довольно нетонкий намек.

—Я заметил, — насмешливо протянул я. — Но ты знаешь, наблюдать как растекаются лужицей намного приятней, чем как в глазах крутится счётчик, пока эта "не восемнадцатилетняя идиотка" снимает трусы.

Алиса побледнела, в глазах вдруг промелькнули злые слёзы, но она не дала им волю.

—Хорошо, — усмехнулась наигранно. — Да! Пусть так: меркантильная, расчетливая, продуманная... Пусть! Но неужели ты думаешь, что я потратила шесть лет своей жизни на

мужчину исключительно ради карьеры? Думаешь, ради карьеры женщины с моим образованием увеличивают грудь, вставляют импланты в задницу и посещают все эти идиотские курсы сексуального образования?

—Я не знаю, меня никогда не интересовало, чего ради ты это делаешь, — скривился я. Вот только выяснять, почему она увеличила сиськи, мне сейчас для полного счастья не хватало. Еще пусть про какую-нибудь вагинопластику залечит в честь неземной любви. Дурдом!

—Да тебя вообще всё, что связано со мной, не интересует. Что бы я ни делала, как бы не старалась, тебе плевать. Ты ничего не замечаешь, кроме своей шлюхи! Наверное, надо было, как она — трахаться у тебя за спиной, может, тогда бы ты...

—Что бл*дь?! — задохнулся я. Кровь отхлынула от лица, чтобы забурлить внутри дикой яростью. И в тоже время я был удивлен.

Интересно, как эта сучка узнала? От прислуги?

Нет. Не могла, никто не стал бы нарушать контракт, чтобы удовлетворить её любопытство. Я им слишком хорошо плачу, чтобы рисковать работой ради сомнительной копейки. Может, это у неё интуиция? Тоже вряд ли. Тогда бы она не говорила с такой уверенностью.

—Недоумеваешь, откуда мне известно? — довольно протянул она, прочитав мои мысли.

—Единственное, о чём я недоумеваю — так это, почему ни-

чем непримечательная ночь растянулась аж на целых шесть лет, – неимоверным усилием воли подавив в себе гнев, спокойно парировал я. И с удовольствием отметил, как Алиска недовольно сжала свои губёнки.

А ты думала, курица, меня можно одной фразой на эмоции вывести? Ну-ну... Чтобы таким талантом обладать, надо хоть что-то для меня значить.

–Я нашла результаты теста ДНК, – предприняла она еще одну попытку, выложив свой главный козырь. – Это, наверное, ужасно – знать, что твою любимую женщину трахал кто-то ещё и твой сын мог оказаться вовсе не твоим.

Да, это было попадание в цель – в самое больное место, но я давно научился справляться с этой болью, поэтому лишь усмехнулся, решив, что пора Алиске указать на её место, а то она что-то запамятовала похоже.

–Ужасно, Алиска, это когда ты шесть лет старательно соёшь чей-то член, увеличиваешь сиськи, перекраиваешь вагину, безотказно даёшь раком, боком и с подскоком, а потом вдруг остаёшься с голой жопой, – издевательски заметил я, с удовлетворением отмечая, как Алиса переменялась в лице. Будто очнулась, протрезвела. Но мне этого было мало. Нужно было закрепить эффект, чтобы окончательно дошло.

–Как думаешь, ты сможешь снова с нуля взобраться на ту же вершину?

Она тяжело сглотнула, в глазах промелькнул страх, я же продолжил.

–Вот и я сомневаюсь. Так что советую тебе следить за языком и не забывать, с кем ты пытаешься тягаться. Незаменимых нет, Алиса, а таких, как ты и вовсе, как собак не резанных, поэтому мне достаточно будет слова, чтобы ты вылетела с кресла директора. Я достаточно понятно выразился?

–Ты – редкостная скотина! – выплюнула она, вызывая у меня улыбку.

–Вот уж не тебе об этом говорить. Тебе вообще, Алиска, грех жаловаться. Ты получила больше, чем могла себе даже представить, – возразил я.

–Я любила тебя, – заявила она, в очередной раз веселя.

–Завязывай, Алис, эти игры. Это смешно.

–А у неё, значит, были не игры?

–Это здесь причем?

–Мне просто хочется понять, почему вы – мужчины на каждом углу трепете о том, что вам нужна скромная, милая женщина, но голову теряете именно от шлюх? Почему она, Олег?

Я хмыкнул.

Забавный вопрос от «любящей» женщины. Уж она -то должна понимать, что на него нет ответа и никогда не будет. Любовь, как и сотворение мира необъяснимы. Но у меня всё же была теория на этот счет и я решил ей поделиться.

–Потому, Алиса, что дело не в том, какой человек, а в том, как ты себя с ним ощущаешь. Любовь – это полёт. Настолько захватывает дух, что становится плевать скромница ли она,

шлюха, а может, и еще кто похуже.

—Мне тоже «плевать», Олег.

—Нет, Алис, тебе не плевать и никогда не было, — покачал я головой с невеселой усмешкой. Злость отступила, осталась лишь грусть о взаимно-потерянном времени.

—Думай, как хочешь, я не собираюсь тебе ничего доказывать.

—И не надо. Мне бы не хотелось становится «редкостной скотиной» и портить тебе жизнь. В конце концов, мы шесть лет относились друг к другу с уважением. Давай, и расстанемся, не теряя его.

Алиса усмехнулась сквозь слезы и некоторое время молчала, рассматривая свои руки.

—Хорошо. Ты прав, — не скрывая горечи, заключила она.

—Рад, что мы пришли к общему знаменателю. Я всегда ценил твою рациональность и рассудительность.

—Ну, хоть что-то, — сыронизировала она и тяжело вздохнув, поднялась с кресла. — Мне пора. Извини, что «свалилась, как снег на голову», я действительно переживала и не подумала, что тебе сейчас не до моих чувств. Хотя тебе всегда было не до них.

—Не начинай, пожалуйста.

—Не буду, — снисходительно улыбнулась она и развернувшись, направилась к двери, бросив напоследок. — Береги себя.

Когда за ней закрылась дверь, я, наконец, выдохнул с облегчением, хотя неприятный осадок остался, как ни крути.

Что-то менять в своей жизни всегда не просто. Особенно, когда дело касается людей, даже тех, которые тебе по сути не нужны. Но я слишком устал, чтобы размышлять об этом, поэтому, кое-как поднявшись, заставил себя принять душ, а после направился к Сашке.

Он уже был в кровати и мама читала ему какую-то сказку.

– Ты долго, – насупился сын, когда я ели-как уселся. Тело ныло кошмарно.

– Не так уж и долго, сына, – возразил я, чмокнув его в пухлую щечку.

– Олег, тебе нужно пройти осмотр у врача, вдруг ребра сломаны, – взволновано заметила мама.

– Не преувеличивай. Немного бока намял, вот и всё, – отмахнулся я и забрал у неё книгу. – Иди, отдыхай.

– Олег! – строго взглянула она.

– Мама! – обманчиво-мягким тоном парировал я. И она сразу всё поняла, поэтому тяжело вздохнув, покачала головой.

– Какой ты вредный, Олежка, прибила бы!

– Я тоже тебя люблю, мамочка, – подмигнув улыбающемуся Сашке, послал ей воздушный поцелуй, за что тут же отхватил леща.

– Дурачок, – засмеялась мама, а потом наклонилась и обняла крепко-крепко, дрожащим голосом шепча. – Я так испугалась сынок... Так испугалась! Если бы с Янкой нашей что-то случилось... Господи! – разрыдалась она, не выдер-

жав.

–Шш, родная, всё позади, – приговаривал я, успокаивающе поглаживая её по спине. Саша испуганно замер, маму же будто прорвало.

–Да какой позади, Олег! Что вот эта твоя приехала? Зачем она тебе вообще? Я же вижу, как ты на Янку смотришь всегда, а она как на тебя... Прекрати уже насиловать себя и над девчонкой издеваться. Ну, любите же друг друга! Ну, прости ты её, сынок! Что бы не сделала, прости. Нельзя же так жить! Ребёнка сиротой сделали и сами маетесь непонятно с кем и для чего – смотреть тошно.

–Мама... – тяжело сглотнув, пробормотал я растерянно, не зная, что сказать. Впрочем, маме и не требовались слова. Она всё понимала без них, поэтому успокоившись спустя какое-то время, улыбнулась грустно и погладив меня по щеке, тихо сказала:

–Прости, сынок, я просто хочу видеть тебя счастливым.

–Я знаю, мама, – поцеловав её ладонь, также тихо отозвался я. Она кивнула и перевела взгляд на не менее растерянного, чем я Сашку.

–Прости, солнышко, напугала я тебя.

Саша покачал головой, она же снова наклонилась и расцеловала его в обе щёки.

–Не расстраивайся, мы- девчонки любим поплакать да поистерить.

–Баба, а ты что, разве девчонка? – уточнил он с таким

скептизмом, что мы не выдержали и расхохотались.

– Конечно! Бабушка у тебя девчонка почище прочих, – театрально провозгласила она. Сашка собирался возразить, но я тут же предостерег его:

– Не вздумай, сына. Спорить с женщиной – себе дороже.

– Ой, кто бы говорил, – съязвила мама.

– Ну, вот я и учу, чтобы сын не повторял моих ошибок.

Вера Эдуардовна фыркнула и поцеловав нас ещё раз напоследок, ушла. Мы же принялись читать сказку.

– Папа, а почему этот дядька на нас напал? – спросил Саша, когда я закончил чтение. – Что ты ему такого сделал?

Вопросы меня не удивили, я знал, что сын начнёт их задавать, но не думал, что так скоро, поэтому помедлил, пытаюсь подобрать слова. Вышло не ахти...

– Ничего такого, сынок, чего бы этот... мужик не заслужил.

– Тогда почему он решил тебе отомстить?

– Ну, он, по всей видимости, считал иначе.

– Как это? – нахмурился Саша, не понимая моих пространных объяснений. Я улыбнулся, поражаясь своему косноязычию. Совсем забыл, что детям лучше всего объяснять что-то на конкретных примерах.

– Как бы тебе объяснить, сына, – с досадой протянул я, силясь придумать этот самый пример, но мозг упорно отказывался работать, пока я не наткнулся взглядом на фото Сашки с друзьями. Увидев его зазнобу меня-таки озарило. – Ну,

вот представь, что этот... как того пацана звать, с которым ты подрался на прошлой неделе?

—Лиам Сандерс.

—Вот этот Лиам Сандерс обидел твою Мию. Что ты сделаешь?

—Ну... побью его и скажу, чтобы больше не лез.

—Логично. Но Лиам не поймет и решит вам с Мией отомстить. Например, сломает лапу Пеппи.

—Но зачем Пеппи, она ведь ничего не сделала? — возмутился мой ребёнок.

—Потому что она для вас обоих дорога и вы очень сильно расстроитесь. Как говорится, двух зайцев одним выстрелом, понимаешь?

Саша кивнул и некоторое время обдумывал сказанное.

—То есть этот мужик когда-то обидел маму и ты за неё вступился?— заключил он.

—Примерно так.

—Вот урод!

—Абсолютно согласен.

Я думал, что на этом с вопросами покончено, поэтому обняв Сашку, стал потихонечку засыпать, но не тут -то было.

—Пап, — позвал он, когда я уже почти заснул.

—Мм? — сонно промычал я, не в силах открыть глаза.

—А что мама тебе сделала? Про что бабушка говорила? — огорошил он меня. Всё-таки при детях ничего обсуждать нельзя. Конечно, я мог бы нагородить чего-нибудь, но с сы-

ном хотелось быть предельно честным. Дети, они фальшь чувствуют, поэтому я не стал выдумывать велосипед и сказал то, что должен был.

—Сынок, есть такие моменты, которые касаются только меня и твоей мамы. Как у нас с тобой есть же свои мужские секреты или как у вас с мамой наверняка есть какие-то тайные от меня дела, верно? — подмигнул я, на что Сашка улыbnувшись хитренькой Янкиной улыбкой, кивнул.

—Ну, вот так и у нас с ней есть свои дела. Всё, что тебе нужно знать, так это то, что я твою маму простил и больше не злюсь.

—И теперь мы будем жить все вместе: я, ты, мама, Пеппи и бабушка? — загорелись его глазки и столько в них вспыхнуло надежды, столько радости, что у меня внутри все перевернулось и защемило. Бедный мой ребёнок. Обняв его еще крепче, я вдохнул аромат его волос и тихо сказал:

—Не знаю, сынок, но я постараюсь...

—Точно?

—Разве я тебя когда-нибудь обманывал?

Он покачал головой.

—Ну, вот и всё. А сейчас давай поспим.

—А потом поедem к маме?

—Конечно.

Саша кивнул и устроившись поудобней в моих объятиях, уснул. Я же несмотря на усталость уснуть не мог. Мысли копошились, как рой разъяренных пчёл. Я не знал, как быть.

Точнее, знать -то я знал, но с чего начать, как это всё будет и получится ли вообще – вот вопрос. Столько рисков... Но хотя бы попытаться я должен. Как говорила мама: «Нужно давать отношениям шанс, если не ради себя, то хотя бы ради детей, ради всего хорошего, что было.». Пусть я запоздал с этим решением на шесть лет, но слава богу, еще не всё потеряно. Во всяком случае мне так показалось.

Спустя какое-то время я все же уснул. Проснулся после обеда и тут же попал в круговорот дел: полиция, пресса, разборки со службой безопасности. Освободился только к ночи. Янка до сих пор не пришла в себя, и на душе было не спокойно, поэтому я поехал к ней. Мне нужно было увидеть её, услышать, как она дышит. Перед глазами до сих пор стояло её бескровное лицо и мои руки, залитые её кровью, от этих флешбэков моя собственная стыла в венах, и я не уставал благодарить Бога, что всё обошлось.

Когда я приехал в клинику, Ирина готовилась ко сну, но тактично решила оставить меня наедине с Чайкой и ушла в кафетерий. Мне же, если честно, было плевать, как она расценит мой визит.

Увидел Янку, и всё вокруг перестало для меня существовать. Ощущение было, будто прошла целая жизнь с того момента, как мы говорили на террасе. За сутки мир перевернулся с ног на голову, и я смотрел на него совершенно другим взглядом. Вся та боль и невыносимая тоска всплыли на поверхность, захлестнули, вызывая дикую потребность в

ней, девочке, всадившей мне нож в спину.

Опускаюсь на стул возле неё и не могу насмотреться. Она лежит на животе, чтобы не тревожить раны, лица практически не видно из-за кислородной маски, но мне и не надо. Мне достаточно просто быть рядом, слышать, как она дышит, как монотонно прибор отсчитывает удары её сердца и знать, что она жива, просто жива.

В порыве чувств прижимаюсь губами к её виску и всего насквозь прошивает будто электрическим разрядом.

Янка, Яна, Яночка... Любимая моя.

Втягиваю с шумом аромат её кожи, она пахнет медикаментами, но я всё равно улавливаю что-то такое, присущее только ей, и меня ведет, ломает по её запаху, как наркомана по героину.

– Малыш, – сам не замечая, произношу вслух хриплым шепотом, не в силах больше держать свои чувства на привязи. – Я так... Так тебя люблю, моя девочка... Если бы ты только знала, как я тебя люблю.

Глажу её шелковистые волосы, скольжу губами по лбу, глазам, краешку щеки, не могу остановиться, не могу насытиться, не могу унять эту сумасшедшую потребность.

Не знаю, сколько это безумие продолжалось, но взгляд наткнулся на кусочек татуировки в вырезе больничной сорочки, и я замер, читая строчки, которые знал наизусть:

«Согласись, пусть будет – не бесплатное, липовое, мёртвенное, ватное, с дарственной на выцветшем боку.

Подари мне небо, хоть плакатное, я его приклею к потолку.»

И, как и в первый раз, внутри всё скрутило жгутом, вызывая горечь. Сколько глупых, бессмысленных ошибок...

Говорят, всё можно исправить, кроме смерти. Мне очень хотелось в это верить. Более того, я был решительно настроен подарить моей Чайке небо и не плакатное, а самое что ни на есть настоящее. Чтобы она парила, забыв обо всём.

Погруженный в свои мысли, я не сразу заметил, что вернулась Ирина.

—Я принесла тебе кофе, — протянула она стакан, когда я, наконец, обратил на неё внимание.

—Спасибо, я сегодня ничего ни ел.

—Я так и подумала. Как Саша?

—Нормально, но будет лучше, если с ним поработает психолог.

—Да, это верное решение.

Мы замолчали, не зная, что еще сказать, да и слишком вымотанные, чтобы вести какие-то разговоры, поэтому допив в тишине кофе, я поехал домой, так как обещал сыну, что мы завтра поедем вместе.

Утро выдалось суматошным. Янка пришла в себя, и все на радостях носились, как сумасшедшие, не зная, за что хвататься. В оконцовке, сборы затянулись до самого обеда, так как Саша рисовал матери какие-то «шедевры», как все в восторге и умилении потом заявляли. На мой же, совершенно

не шарящий в искусстве, взгляд это был тихий ужас из-под куриной лапы, но поскольку в таком деле важен порыв, а не мастерство исполнения, то я держал своё мнение при себе, пока вся родня рукоплясала. Заказав Начос, цветы, мы, наконец, поехали в больницу. Все были на кураже, в радостном предвкушении, и я в том числе.

Я не беспокоился о том, что скажу при встрече, как вообще себя вести, я просто хотел видеть её горящие глазёнки, её счастливую улыбку, её прекрасное лицо, остальное было не важно.

«Как-нибудь разберемся» – думал я, с улыбкой заходя в палату, чтобы в следующее мгновение получить удар под дых. Вместо ждущей нас Чайки с горящими глазами, я увидел её со счастливой улыбкой в объятиях какого-то мужика.

Впрочем, не «какого-то», а вполне себе конкретного – её хахаля-женатика, про которого я совершенно забыл со всей этой кутерьмой. А сейчас вот вспомнил, и внутри всё окаменело, всю радость смыло ледяной волной боли и ядовитой ревности. Смотрел, как он её целует, касается своими руками, шепчет какую-то романтическую хрень, и на ошмётки рвало. Я захлебнулся злобой и вновь вспыхнувшей ненавистью.

Перед глазами всплыли все те картины, что изводили меня с того момента, как узнал о том, что у неё появился любовник. Я представлял, как она улыбается ему, как когда-то улыбалась мне; как соблазняет его, сводит с ума; как шеп-

чет всё то, что когда-то шептала мне; как он ласкает её роскошное тело, и как она стонет под ним, как когда-то стонала только для меня...

Конечно, я всё понимал. Понимал, что она молодая, здоровая женщина, и ей хочется тепла, мужской ласки, да и просто секса. В конце концов, она и так слишком долго была одна. Я всё это понимал, правда. Но легче не становилось, поскольку я также знал, что Чайка в отличие от меня чисто «по средам и пятницам» не умеет, а значит, что бы она там ни говорила, но какие-то чувства к этому мужику у неё все же есть, и именно это низвергало меня в пропасть моих сомнений, боли, бессилия и безнадежности. Ведь, как ни старайся, а ничего уже не вернешь: она никогда больше не будет только моей, никогда больше я не смогу доверять ей, как прежде, да ничего уже не будет, как раньше...

Знаю, я сам виноват – своими собственными руками отдал её другому мужику, и продолжал бездействовать до сегодняшнего дня... ДА! Всё знаю и понимаю! Но всё равно внутри сидит этот наивный, маленький мальчишка, который все эти шесть лет жил одной-единственной фразой: «Я буду ждать». И сейчас, глядя на воркование голубков, ему хотелось вырвать свою любимую из чужих лап, посмотреть в лживые глазёнки и проорать в лицо: «Так ты, бл*дь, ждала? Это твоя любовь, сука?».

Знаю, это смешно, тем более, что я и сам не далеко уехал, но вот чего я никогда не делал в отличие от неё – так это не

ездил ей по ушам, не обещал того, что не смог бы выполнить. Она же только тем и занималась, что бесконечно врала мне. Разводила, как доверчивого лошка, коим я, похоже, до сих пор и являюсь. Ведь верил же, что ждет, а сейчас смотрю и сдохнуть хочется. Всё внутри горит, рвёт на куски, перед глазами красная пелена ярости, и я не могу с ней справиться, сколько не привожу доводов, сколько не пытаюсь мыслить здраво. Да и каком здравомыслие может быть речь, когда её баран, словно по заказу, выдаёт:

– Не переживай, любимая, я найму лучших врачей, тебя за пару недель на ноги поставят, а потом уедем с тобой в Швейцарию. Все будет, как ты любишь: лыжи, Кирш, Фондю... Теперь ты у меня без охраны и шагу не сделаешь, и Сашке наймем лучших людей, раз этот дятел не в состоянии обеспечить сыну безопасность...

– Слышь, ты – фраер, в своей семье будешь порядки наводить и нанимать, кого хочешь, а в мою еще раз сунешься, и я устрою весёлую жизнь тебе! – с угрозой процедил я, изо всех сил сдерживая клокочущее в каждой клетке бешенство.

Наймёт он, понторез херов!

По факту, безусловно, я облажался, не досмотрел. Но ни этому говножую мне что-то говорить! Однако у него на сей счет имелось другое мнение, и он, видимо, решил окончательно вывести меня из себя.

– Это кому ты, бл*дь, собрался веселую жизнь устраивать?! – вкрадчиво поинтересовался он, поднимаясь. Чайка

испуганно вздрогнула и с такой мольбой уставилась на меня этим своим взглядом «не виноватая я», что меня аж перекосило.

Вечная жертва, мать её! Интересно, о чём она думала, приглашая сюда своего любовничка? Дура-дурой...

Наверное, если бы не Сашка, я бы высказал всё, что думаю о ней и её играх, но растерянный, полный слёз взгляд сына, отрезвил меня, и выдавив улыбку, я подмигнул ему, а после повернулся к этому нахохлившемуся петуху и холодно предупредил:

–Рот свой закрой! Еще раз при моем сыне выразишься, и тебя отсюда вышвырнут.

–Гладышев, ты говори да не заговаривайся, – насмешливо протянул Пронин, вызывая у меня удивление. Интересно даже стало, что он может. Захотелось проверить...

–Это тебе лучше не заговариваться, а то примут парочку весёлых законопроектов, и посмотрим, как потом запоёшь.

–Ну, попробуй, только боюсь, ты потом и петь не сможешь.

–Аккуратней, угрозы в адрес представителя власти чреваты статьей, а здесь столько свидетелей, – пожурил я его, как недоумка.

Судя по покрасневшей, лощеной роже, его взбесил мой тон. Он собирался что-то ответить, но Чайка, наконец, вспомнила, что она – мать, а не Елена Троянская и поставила точку в этом бестолковом трёпе:

– Так! А ну-ка, пошли отсюда вон! Оба! Оставьте меня наедине с моим сыном!

Я же только сейчас заметил, что Сашка плачет. Внутри всё сжалось, и накатила дикая ярость.

Твою мать! Ну, почему рядом с этой сукой всё летит к чертям?!

–Сынок...– начал было я, но подошедшая Ирина жестом попросила ничего не говорить.

–Сашуль, пойдем к маме, – с улыбкой протянула она руки к внуку. Саша потёр глазки кулачками и кивнув, потянулся к ней. Она забрала его у меня и направилась к Чайке.

–Мамино солнышко, мой любимый сыночек... – воскликнула Янка, улыбнувшись сквозь слёзы, когда Сашка бросился ей на шею и что-то затараторив, стал покрывать поцелуями.

Правда, у меня это всё вызывало отнюдь не умиление, а злость. Должен мой сын целовать эту... после какого-то грязного ублюдка! Но прежде, чем я успел высказаться, Мачабели жестом указала нам с Прониным на дверь.

–Ян, я... – хотел он что-то сказать, но Чайка сразу же прервала его.

–Сереж, пожалуйста, езжай домой, мне не нужна шумиха ещё и по этому поводу. Мы позже все обсудим, – пообещала она, даже не взглянув в его сторону.

–Хорошо, любимая, поговорим чуть позже, – снисходительно кивнул этот осёл и напоследок бросил, однозначно,

чтобы взбесить меня. – Я пришлю охрану и хороших врачей.
От такой показухи у меня вырвался смешок.

Цирк, ей богу! И где только Чайка таких дебилоидов находит?!

Закатив глаза и ухмыльнувшись, я покинул палату.

–Чтоб тебя здесь больше не было, – бросил Пронину, направляясь к машине. Мне срочно нужно было побыть одному, прийти в себя и успокоить бушующие эмоции.

–Я у тебя что ли еще буду разрешение спрашивать, навещать мне мою женщину или нет? – процедил он, я же окончательно озверел.

–Свою можешь навещать, сколько твоей душе угодно, а мать моего сына – только с моего одобрения! –отрезал, вызывая у него оторопь. Я и сам понимал, что меня понесло. Но это бахвальное «мою женщину» подействовало на меня, как красная тряпка на быка.

Его женщина. Ну-ну...

–Гладышев, ты берега попутал что ли? Я, конечно, всё понимаю, но это твои проблемы, что ты в своё время лоханулся.

–У меня никаких проблем нет, так что угомонись и скройся уже, не маячь тут. Мне вашу интрижку разгрести вообще не досуг, – скривился я, садясь в машину.

–А тебя никто и не просит. Я всё равно развожусь.

–Ну, вот как разведешься – так и поговорим, а пока не порть «своей женщине» репутацию, – сыронизировал я и за-

крыв дверь, кивнул водителю, чтобы трогался.

Когда мы выехали с территории больницы, я поднял салонную перегородку и откинувшись на спинку кожаного кресла, с шумом втянул воздух. Меня трясло от бешенства, потому что да – я действительно лоханулся. Как идиот расчувствовался: Алиску послал, чтоб с этой стервой быть, мчался на всех порах, как придурок, покупал цветы, подарки, готов был чуть ли ни на брюхе перед ней ползать, а она не успела очнуться, тут же позвонила своему кобелю.

Сука! Чего, интересно, добивалась?

А как же «лишь бы с тобой где-нибудь рядом и как-нибудь навсегда»? Или очередной пафосный трёп, которому грош цена? Чайка ведь мастер драматических эффектов, я же – дебил, который на них ведётся.

У меня вырывается горький смешок, и такая усталость накатывает, что хочется... Да я даже не знаю, чего мне хочется. Все мои желания были связаны с ней. Как увидел её такую юную, наглую, вульгарную и умопомрачительно красивую, так потерялся, забыл, что можно желать что-то помимо неё. А сейчас...

Мне нужно было время, чтобы успокоиться и привести мысли в порядок, поэтому, когда раздался телефонный звонок и на дисплее высветилась Чайка, я поначалу решил не брать трубку, дабы не наговорить лишнего, но это же Яночка: если она чего-то хочет – она это получает.

Ну, ради бога... Вот только потом пусть не жалуется.

–Что хотела? – раздражённо отвечаю на звонок.

–Вижу, ты не слишком рад, что со мной всё в порядке, – невесело усмехнулась она.

–Не говори глупости! – скривился я, она же будто не слыша, продолжила:

–Наверное, надо было умереть, чтобы ты был хоть чуточку любезней.

–У тебя есть с кем любезничать, так что давай ближе к делу.

Чайка тяжело вздохнула, а потом отправила меня в нокаут.

–Гладышев, прекрати вести себя, как обиженный мальчик, тебе не идёт.

–Что? – поперхнулся я, она же опять тяжело вздохнула, словно я её дико утомил.

–То! Я знаю, что ты ночью приезжал... мама рассказывала, – бросила она запальчиво, словно уличила в чём-то, а во мне тоже какой-то упрямый ребёнок проснулся, и я невозмутимо парировал:

–И?

–Просто приезжай. Давай, поговорим, – устало попросила она.

–Сейчас не лучшее время для разговоров.

–Пожалуйста, я тебя прошу. Я больше так не могу... Не после этого кошмара.

–Хорошо, я приеду, – согласился я, потому что тоже боль-

ше так не мог: не мог молчать, держать в себе, проживать эту боль в одиночестве и надеяться, что однажды отпустит.

—Я буду ждать, — сказала она напоследок, срывая с цепи моих демонов. Во мне вновь вскипела злоба, ревность и ненависть. Всю дорогу я бурлил, как закрытый котел, гонимый этими эмоциями, поэтому в палату ворвался, словно цунами, готовый выплеснуть всё, что годами копил в себе, забыв о том, что ещё вчера молил небо лишь о том, чтобы она была жива.

Чайка встретила меня взволнованным взглядом. Она сидела на койке, сложив руки на животе. Бледная, осунувшаяся, заплаканная. В это мгновение она казалась такой маленькой и юной, но меня, как и всегда, её слёзы разозлили ещё больше. Не переносил я их.

—Где сын? — спросил, закрывая за собой дверь.

—Уехал с мамой домой. Ему нужно передохнуть, слишком много впечатлений. Ты уже договорился с психологом?

—Нет ещё, разбирался с прессой и полицией.

—Мне звонила пресс-секретарь...

—Я не это приехал обсуждать! — раздраженно оборвал я, поняв, что она просто тянет время. Чайка вздрогнула и прикусив губу, тихо призналась, выводя меня окончательно из себя:

—Не знаю, с чего начать.

—Может, с того, для чего ты позвала своего ёб*ря, — предложил я едко, захлебнувшись в очередной раз ядом ревно-

сти.

—Что? — ошарашенно выдохнула она, округлив свои глазницы, меня же понесло.

—То! Я тебя насквозь вижу. Что, решила заставить ревновать?

—Ты совсем больной? Что ты несёшь? — взвилась она и тут же набросилась в ответ. — А ты зачем свою Алису вызвал?

—Ну, я же вроде как жениться на ней собираюсь, а кому, как не будущей жене быть рядом в такой сложный момент?! — насмешливо протянул, зная, что задену за живое.

—Вроде как? — сыронизировал Чайка, ничем не выдав своих эмоций. — И это твой ответ?

—А что? Неужели ты повелась на тот панический бред? — ударил я со всей дури по больному, не в силах держать в себе боль. Мне хотелось, чтобы ей было так же, как и мне хреново, чтобы её так же, как и меня сжигала ревность, чтобы она понимала, каково это — разочаровываться: когда тебя помянут мечтой и на твоих же глазах разрушат её, как она когда-то разрушила наши.

И да, она застыла, лицо стало мёртвено бледным, губы задрожали, а глаза загорелись, как огоньки, выдавая её агонию.

—Зачем ты так? Тебе от этого легче? Если да, то я стерплю... — тихо произносит, выбивая у меня почву из-под ног своей откровенностью.

—А если нет?

—Тогда уходи. Уходи и продолжай жить так, как ты жил

все эти годы, – бросает, задыхаясь от слёз.

–И это всё? Всё, что ты хотела мне сказать? – разозлился я, сам не понимая, чего жду от неё.

–Нет. Но если для тебя то, что мы пережили – ничего не изменило, то что толку? Что изменится, если я скажу, что люблю тебя больше жизни? Что не было ни дня, чтобы я не думала о тебе, чтобы не сожалела, чтобы не молила Бога о твоём прощении? Что изменится?

Я промолчал. Она же усмехнулась, не замечая текущих по щекам слёз.

–Верно, ничего. Мои слова ведь для тебя ничего не значат. А ты дал мне шанс хоть как-то доказать их на деле? Ты дал мне хоть единую возможность? Ты же живьем меня закопал и все эти годы спокойно смотрел, как я подыхаю без тебя. Но стоило только мне попробовать жить, как ты тут же зашевелился, как у тебя взыграло! А что я такого сделала? Что опять я сделала не так? Нашла мужика? А ты хотел, чтобы я всю жизнь смотрела на вас с Алисой и сходила с ума от ревности и боли? Этого ты хотел? Так я смотрела! Пять лет смотрела и лезла на стены! Пять лет! Тебе мало, Олег? Потвоему, я недостаточно наказана?

Я не мог ответить, в горле встал ком, в груди пекло, я задышался от рвущих меня на части эмоций. Развернувшись, направился к двери, не в силах смотреть в её потухшие глаза, не в силах слушать всё это... Но она не позволила сбежать.

–Олег, – раздался её дрожащий, отчаянный голосок, когда

я взялся за ручку. -Пожалуйста... Не поступай так снова. Я тебя прошу! Пожалуйста, Олеж... Дай нам шанс. Я не могу без тебя, – разрыдалась она, а у меня внутри всё перевернулось.

Боже! Что я творю? Что пытаюсь доказать и кому? Какая уже к чёрту разница, с кем она спала, сколько врала или изменяла? Я ведь люблю её! Пусть не моя больше, пусть неверная, пусть лгунья, шлюха – да кто угодно, а я все равно люблю. Люблю, несмотря ни на что! Так какого же...? Главное ведь, что живая, а остальное... Да к херам это остальное! Она мне нужна, ибо я тоже...

Я тоже не могу без неё!

С этими мыслями медленно отпускаю ручку и повернувшись, встречаюсь с отчаянным взглядом, от которого так невыносимо становится, что не выдерживаю, отвожу свой.

Янка судорожно втягивает воздух, замирает, а я не знаю, что сказать. Да и надо ли что-то говорить?

Смотрю на неё такую... родную, такую любимую, единственную на свете и понимаю, что хочу видеть её счастливой. Хочу, чтобы вульгарно хохотала на всю Ивановскую, как только она умеет, хочу, чтобы выдавала какие-нибудь милейшие глупости в своем стиле, спорила со мной, бесконечно писала свои дурацкие смс-ки, слала провокационные фото, ругалась из-за работы, стонала на весь дом... Хочу, чтобы мы вместе воспитывали нашего сына, делили радость и горе, взлёты и падения. Хочу, чтобы мы просто жили. И если

для этого надо отринуть гордость, самолюбие и принципы, что же, значит так и поступим, ибо жизнь гораздо ценней, а счастье вообще бесценно. И порой, ради него приходится жертвовать всем.

Думая об этом, я направился к ней – женщине, воплотившей в себе мое счастье, одновременно став моим наказанием за все грехи. У Янки задрожали губы, а из глаз вновь потекли слёзы.

–Прости меня, малыш! Я... придурок я! Ты была права с самой первой встречи, – заключив её прекрасное лицо в ладони, прошептал я, она покачала головой и улыбнувшись, поцеловала мою ладонь.

–Знаю, но я всё равно люблю тебя, – так же шёпотом отозвалась она. Видимо, как и я боясь, разрушить этот такой хрупкий, странный миг.

–А я-то надеялся, ты скажешь: «Что ты?! Ты у меня самый лучший на свете!», – пошутил я, ласково обрисовывая её идеальные черты.

–А ты у меня? – уточнила она, заглянув мне в глаза, с надеждой ожидая ответа.

Я усмехнулся и склонившись, коснулся её солёных губ нежным поцелуем, выдыхая:

–А у кого же ещё?

–Тогда, конечно, самый лучший на свете, – улыбнулась она и углубила поцелуй.

Глава 3

«Пусть будет больно, пусть невыносимо, но только так – через страдания обретается покой и счастье. И ты будешь счастливой, будешь. И однажды поймешь, что эти хождения по мукам были не зря.»

(с) Яна

Говорят, у кошки девять жизней. Интересно, а сколько их у человека? Сколько раз можно морально умереть и воскреснуть? Сколько каждый из нас выл зверюгой от бессилия и выворачивающего наизнанку отчаянья? И где тот предел, та черта, за которой опускаются руки и произносится сакраментальное: «всё, больше нет сил, я сдаюсь»?

Думаю, сколько людей – столько и ответов на эти вопросы, но однозначно, по «живучести» мы переплюнем кошку с её фирменной девяткой. Я, во всяком случае, точно, ибо вся моя жизнь, начиная с восемнадцати лет, неизменное хождение по краю над пропастью, в которую я ни раз срывалась и в которой давно бы уже сгнила, если бы не Олег.

Пусть он сам всегда толкал меня в неё, но он же успевал схватить в последний момент, вытянуть за шкурку, даря маленькую, призрачную надежду на то, что мне ещё есть за что бороться, а, следовательно, и ради чего жить. И хотя я не умаляю заслуги врачей, но с того света меня вытащила именно надежда. Если бы Гладышев не подарил её мне, не намека-

нул, что всё ещё может быть, я бы сдалась, опустила руки. Ибо жить так, как я жила последние шесть лет у меня больше не осталось сил.

Я столько лет прождала этого мужчину, что стала совершенно непригодной для кого-то или даже чего-то другого на этом свете. Попытки же доказать обратное не принесли ничего, кроме горечи и еще большей пустоты. Как и время, которое так и не залечило мои раны, а ведь я всерьёз полагала, что как-то оно само рассосется или что-то изменится, если не в жизни, то хотя бы во мне самой. Но нет, ничего не меняется.

И хотя мы все с непоколебимой уверенностью утверждаем и даже свято верим, что с годами становимся циничными и нас уже так просто не задеть, но на самом деле мы всё те же: маленькие девочки и мальчики, верящие в чудеса и жаждущие любви. Которые с возрастом не становятся сильней или мудрей, только лишь трусливей. Смелые девчонки и отважные мальчишки, получив удар, больше не бросаются очертя голову на поиски своего счастья, они обиженно прячутся, надеясь, что однажды их найдут и полюбят. Так что все эти пафосные речи «Я уже не та» или «не тот» – полная херня! Сколько бы жизнь нас не била, а мы все так же надеемся и ждём, потому что душа, она не стареет, она всегда молода, полна любви, задора и веры в лучшее. Вот и моя была полна, стоило только прийти в себя и узнать, что с Сашей и Олегом всё в порядке. Когда же мама по секрету сообще-

ла, что Гладышев приезжал ко мне ночью и сидел рядышком, шепча какие-то нежности, внутри у меня всё сжалось, а потом будто расцвело, распустилось пышным цветом, заполняя шестилетнюю пустоту радостью такой величины, что казалось, еще немного и за спиной вырастут крылья. Именно в это мгновение я по-настоящему ощутила себя живой: впервые за долгие годы я дышала полной грудью, улыбалась без причины и мечтала.

Господи, как же я мечтала! До дрожи желая вновь увидеть искреннюю Гладышевскую улыбку, сразившую меня когда-то с первого взгляда. Почувствовать его тепло, его нежность, его заботу, ласку... да всего его такого, каким он бывает только с самыми близкими и дорогими людьми. Я мечтала вернуть мои Мальдивы, растопив Арктические льды, которыми неизменно все эти годы были покрыты любимые глаза. Глаза, созданные для того, чтобы согревать, любить и гореть счастливым блеском. И они обязательно будут, уж теперь я свой шанс не упущу.

Придёт, обниму, зацелую всего и не отпущу больше, никому не отдам: ни сомнениям его, ни страхам, ни уж тем более, сучке этой белобрысой. Мой он, сколько бы не отнекивался и как бы не сопротивлялся, а я все равно мой! Я это знаю, чувствую и готова за свое счастье бороться. Может, я его и не заслужила, но выстрадала точно.

Такие у меня были планы, и я с нетерпением ждала, когда смогу их претворить в жизнь, но, видимо, не зря говорят:

«Хочешь рассмешить Бога – расскажи ему о своих планах.».

Когда появился Пронин, я поняла, как мне шесть лет назад пришла в голову мысль искалечить людей. Смотрела на него и Мачабели, и зверела, с ужасом представляя, что будет, если Олег с Прониным встретятся.

Естественно, фортуна ко мне, как и всегда, благоволила, поэтому тут же организовала встречу. Как только дверь открылась, и в палату вошел улыбающийся Гладышев с Сашкой на руках, у меня в груди всё оборвалось.

Задохнувшись, я с ужасом наблюдала, как бледнеет дорожное лицо, а в любимых глазах тепло и искренность сменяются маской леденящего спокойствия, от этого что-то внутри меня рассыпалось на осколки, ибо я кожей, каждым нервом почувствовала боль Олежки, его разочарование и горечь, и так мне стало плохо, так погано, что захотелось дурниной заорать на всю больницу, но вместо этого я будто онемела, молча дрожала в объятиях другого мужчины и тонула, словно Титаник в холодном океане Гладышевских глаз, понимая, что если он сейчас закроется, навертит в своей голове и даст заднюю, я просто сойду с ума, жить не смогу. Поэтому, как только за ним и Прониным закрылась дверь, у меня началась паника, в приступе которой я едва не высказала всё, что думаю о вмешательстве Мачабели. Если бы не Сашка, мы бы наверняка поругались, но мой зайчонок и без того был напуган всем происходящим, поэтому я не могла дать волю эмоциям. Впрочем, у меня на это и сил не было, все они ухо-

дили на то, чтобы найти выход из сложившейся ситуации и не позволить Гладышеву придумать тысячу всяких «но», по которым мы не можем быть вместе.

Но как я не ломала голову, ничего на ум не приходило, время же тикало и играло против меня, ибо Гладышев все дальше и дальше, и все больше погружается в свои невеселые думы, взвешивая все «за» и «против». И я знаю наверняка, что чаша весов склоняется отнюдь не в мою пользу, а в пользу этой... «тихой гавани».

Она у него заботливая – примчалась сразу же. Почувствовала, видимо, что-то. А может, он ей позвонил? Господи, а что если у них все действительно серьезно? Что если он правда на ней женится? Что если всё сказанное мне – это просто страх, жалость и паника? Я не знаю, и это сводит с ума. Как быть, что думать?

Озаряет меня не сразу, но и это случается. Правильно говорят, всё гениальное – просто. Чтобы не накручивать, надо не позволять думать, не давать времени на размышления ни себе, ни уж тем более, Гладышеву. Хватит быть понимающей и смиренно – ждущей, хватит зарывать голову в песок и надеяться, что оно как –нибудь само наладиться. Не наладиться! Уж точно не с Гладышевым. С ним надо по-другому, иначе так можно и до скончания века прождать. Я, конечно, всё равно бы ждала, но в свете последних событий понимаю, что ожидание – самое бесполезное занятие, какое только можно придумать. Жизнь же слишком коротка и непредсказуема,

чтобы растрачивать её на что-то, кроме поиска счастья.

Поэтому, преодолевая неуверенность и страх, я впервые за эти годы позвонила Олегу сама. Раньше мы общались только через личных помощников, так что сейчас для меня это было сродни чему-то интимному, словно я не номер телефона набрала, а как минимум, в трусы ему полезла. И судя по тому, что Гладышев игнорировал мой звонок, он придерживался аналогичного мнения, вот только я, как бы не было стрёмно, обидно и страшно, а пасовать не собиралась.

Нет, любимый, не в этот раз! Подожди у меня ещё, я тебе ни то, что в трусы... под кожу, в каждую мысль, в каждое мгновение твоей жизни залезу! – закипая, мысленно приговариваю я, продолжая названивать.

До Олеженьки, видимо, дошло, что отступать я не намерена, и он, наконец, ответил. На меня сразу же обрушилась волна злости и недовольства. Гладышев кипел, а я выдыхала с облегчением и радовалась, как дура. Ибо всё, что угодно только ни его леденящее спокойствие и невозмутимость. Против них я бессильна. С ревностью же хоть и страшно встречаться, поскольку Олежечка, когда ревнует – придурок ещё тот, но я лучше проглочу тонны унижений, чем проведу еще хоть день без него. Хотя когда-то, помнится, я утверждала обратное. Даже душой себя называла. Может, и правда дура, но иначе просто не умею. Не получается, как ни стараюсь.

Люблю его. До беспамятства, до полной потери себя люб-

лю, поэтому готова стерпеть что угодно, лишь бы только рядом был. Впрочем, у меня и выбора нет. Это даже не любовь, это что-то кармическое, древнее, первобытное... Видимо, когда создавали этот мир, в книге жизни меня писали исключительно для него. Раньше меня пугала эта одержимость, это полное растворение в мужчине, а сейчас... Сейчас я думаю, что ничего в этом такого ненормального или большого нет. У каждого из нас своя религия: кто-то Богу молится, кто-то — на себя любимого, кто-то — отдается целиком и полностью работе, кто-то — детям. Моя же религия — Гладышев. И как бы меня не подбивали на атеизм гордость, самолюбие и амбиции, мои «религиозные убеждения» все равно сильнее. Поэтому вопреки всем жестоким, обидным словам, что он высказал мне в порыве гнева и ревности, вопреки намеренно — причиненной боли и унижению, и даже вопреки понимаю, что так будет ни раз и не два, я презрела всякую гордость, отчаянно моля его остаться и дать нам ещё один шанс.

Впрочем, какая вообще гордость?! Я даже о ней не вспомнила. Смотрела, как он уходит, и готова была ни то что умолять, готова была на коленях за ним ползти, вцепившись в штанину. К счастью, хватило просто слов.

Когда Гладышев замер возле двери, у меня внутри всё оборвалось. Я не могла поверить своему счастью. У меня крик из груди рвался, когда он развернулся и тихо сказал своё прости. Я задышалась от слёз, сердце на куски разлета-

лось от каждого слова, от взгляда теплого и этой чуть виноватой улыбки. А уж когда его губы коснулись моих, мир для меня просто исчез. Всё, что осталось – только он и я. Точнее только он – моё занудное счастье. И я благодарила за него небо, лихорадочно целуя родное лицо, жадно втягивая любимый, терпкий запах. У меня голова от него кружилась, вело всю, ломало, как наркоманку, дорвавшуюся до дозы.

–Олеженька, – всхлипываю, вцепившись, как ненормальная в его плечи. Меня трясет, захлебываюсь дикой радостью и не могу... Надышаться не могу, насмотреться, напиться им...

Смотрю сквозь пелену слёз, скольжу дрожащими пальчиками по небритым щекам и задыхаюсь от восторга и какой-то задушенной, застарелой боли.

–Малыш, – хрипло отзывается Олег и чуть отстранившись, ласково заключает моё лицо в свои холодные ладони, но мне не холодно, я в моём Раю цвета безоблачного неба. Наши взгляды встречаются, дыхание перехватывает, сердце замирает и всё... Всё в этом моменте. Не нужно ни слов, ни прикосновений. Хочется просто смотреть в любимые глаза, вдыхать родной запах и по-бабьи плакать от счастья, теплым ветерком заполняющим, душу.

В это мгновение вспоминается Катя из «Москва слезам не верит» и её разрывающее «Как долго я тебя искала». Вот так и я: смотрю на него, внутри болит все, переворачивается, а в голове так и бьётся мысль: «Как долго я тебя ждала.».

Кончиками пальцев нежно касаюсь морщинок вокруг глаз, обвожу скулы.

Не выдерживаю, тянусь к нему и не отрывая взгляда, целую легонечко так, изучающе, вспоминая, каково это – целовать этого мужчину, каково это – быть для него желанной, особенной, любимой...

Я уже и забыла насколько это охрененно, сумассводяще, до умопомрачения вкусно. Гладышев перехватывает инициативу: зарывается рукой в мои волосы, нежно обводя языком контур моих губ, отчего по коже бегут мелкие мурашки, а в животе порхают те самые пресловутые бабочки. Судорожно втягиваю воздух, когда он углубляет поцелуй, проникая языком в мой рот. Я начинаю посасывать его, смакуя, наслаждаясь каждым движением.

Вперед – назад, вперед – назад...

Воздуха не хватает, в низу живота сладко обрывается, между ног становится горячо, влажно и так пульсирует, ноет...

Боже, я, наверное, кончу просто от одной мысли, что это он!

У Гладышева тоже начинается ломка: дышит тяжело, жадно, напористо целует, шарит руками по больничной сорочке, но тут же себя тормозит, сжав её в нескольких миллиметрах от моей ноющей, жаждущей его прикосновений, груди, мне же хочется шепнуть ему, чтобы не останавливался, чтобы прямо здесь и сейчас... занялся со мной любовью, запол-

нил собой, позволил в полной мере насладиться тем, что я принадлежу ему.

Я хочу его, хочу безумно! Потребность быть ближе, на-верстать все эти безликие года зашкаливает.

Кончики пальчиков покалывает от желания дотянуться до zipperа на его брюках, высвободить возбужденный член, и неистово ласкать, слизывая его вкус, наслаждаясь сдержанными стонами и несдержанными толчками в горло... Но вовремя, как и Гладышев, торможу себя, ибо нельзя. Пока нельзя. И вовсе не потому, что это вроде как неправильно – вот так сразу, без церемоний отдаться мужчине.

Плывать мне на правила, особенно, после того, как моя жизнь была на волосок от смерти! Мы и так потеряли слишком много времени, чтобы тратить его на глупые, ненужные преамбулы. И видит бог, я бы плюнула на всё и не просто себя предложила, я бы бесстыдно соблазнила Гладышева, нагло присвоила, но к сожалению, ни с моим отягощенным анамнезом давать волю своим желаниям. Олеженька, конечно, как и всякий мужик, не откажется, вот только потом как начнёт анализировать... и тушите свет. Я у него в шлюхи просто за «Эй, блондин!» была записана, а в каких списках окажусь за минет даже думать не хочется, поэтому свят–свят–свят. Возможно, я и ошибаюсь, но лучше лишний раз перестраховаться. Вот только сказать легче, чем сделать.

Я не могла оторваться от Гладышева, цеплялась изо всех сил, целовала, как дикая, посасывая любимые губы, лаская

горячий, напористый язык своим, скользила ладонями по крепким плечам, ластилась всем телом, дразнилась, постанывала и, наверное, дала бы себе волю – дотянулась бы до манящей, оттопыренной ширинки, если бы Олеженька не взял дело в свои руки.

– Малыш, – выдохнул он мне в губы. – Я ведь не железный. Вот с этим я бы поспорила, таких кайфоломов ещё поискать, но вслух, конечно же, не стала этого говорить.

Критиковать любимого мужчину ни в коем случае нельзя, а в моём и подавно. Вот женится – тогда можно будет на орехи раздавать (шутка), пока же...

– А какой? – ласково улыбнувшись, протянула я хриплым от желания голосом, глядя в Гладышевские шальные от возбуждения глаза.

– Голодный, Янка, – признается он, и уткнувшись мне в шею носом, с чувством добавляет, вызывая табун мурашек. – Как волчара голодный до тебя.

– И что же мешает? – провокационно уточняю, нежно перебирая пепельные волосы.

– Да как-то не очень хочется, чтобы ты подо мной ластами щелканула, – выдаёт он, разряжая обстановку и сбивая весь настрой. Нет, он реально кайфолом.

– Если бы я и хотела «щелкануть ластами», то только под вами, Олег Александрович, – шучу, целуя его в макушку, как маленького мальчика. Гладышев смеется.

– Я, конечно, польщён, но давай, отложим это мероприя-

тие лет так на пятьдесят...

—А ты смогёшь?

—С самой красивой семидесятилетней девочкой на свете? — насмешливо уточнил он, я же, представив себе эту картину, рассмеялась, отчего спину тут же прострелила боль, вызывая стон.

—Что такое, малыш? — сразу же встрепенулся Олежка, обеспокоенно заглядывая мне в лицо.

—Представила девяностолетнего тебя на семидесятилетней мне, — отшутилась я, притягивая его обратно.

—А -а..., — ухмыльнулся он и легонечко коснувшись губами моей шеи, со смешком резюмировал. — Хорошая была бы смерть.

—Да, прямо мечта Тириона Ланнистера, — хохотнула я и с чувством процитировала, когда Гладышев недоуменно приподнял бровь. — «-Как ты хочешь умереть, Тирион, сын Тайвина?

— В своей постели, лет в восемьдесят, напившись вина и с девкой на члене.»

Гладышев зашёлся хохотом.

—Чайка, где ты эти пёрлы откапываешь?

—Ты что не слышал про Игру престолов?

—Ну, что-то слышал, конечно. Не совсем же я отсталый.

—Не совсем, — насмешливо согласилась я, не скрывая иронии, за что тут же огребла — Олеженька, недолго думая, нежно цапнул меня за шею, отчего по телу прокатилась преда-

тельская дрожь.

Я тяжело вздохнула, едва сдерживая стон, Гладышев замер, а после медленно отстранился, и неловко кашлянув, отвел взгляд. В это мгновение мы будто очнулись, словно смыло в раз всю непринужденность, напоминая, кто мы и почему здесь оказались. Мы напоминали двух аборигенов, вырвавшихся из привычных миров в какую-то незнакомую вселенную.

Смотрим друг на друга взволнованными взглядами, и не знаем, что еще сказать, с чего начать и что сделать. В голове назревает миллион вопросов и проблем. Как мы впишемся в жизни друг друга, чем придется жертвовать, что менять и главное, как справимся с нашим прошлым? Всё это тяжким даже неподъемным грузом ложится на плечи, и я понимаю, что если мы сейчас не остановимся, то всё испортим.

Да, нам о многом нужно подумать, многое нужно решить и изменить, чтобы не повторить прошлых ошибок, но сейчас... Сейчас просто хочется побыть свободными от всех земных проблем влюбленными людьми. Нам нужна эта передышка, чтобы собраться с силами и не дать страхам растащить нас по разные стороны – в наши привычные, спокойные болотца, поэтому осторожно беру Гладышевскую руку в свою.

– Давай не будем сейчас думать обо всём этом... – целую нежно его сбитые казанки.

– О чём же мы будем думать тогда? – снисходительно ин-

тересуется он, нежно погладив меня по щеке. Мне же приходит на ум одна милая идеяка...

— Ни о чём, — отвечаю просто и откинув одеяло, подвигаюсь. — Просто ложись рядом, поболтаем. Я соскучилась по твоим занудным рассуждениям.

Олег улыбается и с сомнением смотрит на койку.

— Ложись-ложись, — похлопала я по матрасу и нахально пообещала. — Приставать не буду.

Гладышев рассмеялся и покачав головой, с тяжелым вздохом снял туфли, а после лег рядом. Кровать заскрипела, меня вжало в бортик, отчего в спине тут же вспыхнула яростная боль, но я ничем не выдала её. Сцепив до скрежета зубы, втянула бесшумно воздух и кое-как перевернулась на бок, быстренько стирая испарину со лба, чтобы Олег не понял, каких усилий мне это стоит. Гладышев, слава богу, тоже был занят тем, чтобы улечься как можно удобнее, поэтому мои потуги остались незамеченными.

Когда мы, наконец, устроились, я прильнула к Олегу и выдохнула с облегчением, прижавшись щекой к его груди, слушая мерный стук любимого сердца. Так хорошо мне стало, так спокойно и уютно...

— Дом, милый дом, — прошептала я с улыбкой, обвив Оленьку для надежности ногами. Гладышев усмехнулся и не скрываясь, втянул запах моих волос, а после поцеловал меня с каким-то особым трепетом в лоб, отчего у меня дыхание перехватило и глаза защипало от слез. Столько всего в этом

жесте было...

—О чём думаешь? — тихо спрашиваю спустя некоторое время.

—Как ни странно, ни о чём, — признается Олежа со смешком.

—Снег пойдёт, наверное, — подкалываю его, за что тут же получаю шлепок по бедру. — Аккуратней, Олег Александрович, я ведь могу передумать и начать приставать, — предупреждаю и угрожающе скольжу рукой вниз по животу, с удивлением отмечая, что Гладышев -то набрал в весе. Видать, правда с Алиской спокойно.

Так, Яночка, тормози! Не смей об этом даже заикаться пока! — орет разумная часть меня. И я, как бы не подмывало поднять сию скользкую тему, откладываю её на «потом». Придёт еще Алискин час, хватит с нас на сегодня Пронина.

—Если будешь также, как бабка кряхтеть, то я скорее расплачусь от жалости, — как и всегда, уел меня Олеженька. Оказывается, всё он заметил, поросёнок такой. Но прежде, чем я успела возмутиться, переменял тему. — Ну, и о чём ты хотела послушать мои «занудные рассуждения»?

—Я уже послушала. Спасибо. Думаю, на ближайшую пятилетку хватит, — отшутилась я.

Олег улыбнулся и вновь чмокнул меня в макушку.

—Янка... — позвал тихо.

—Что, Олежечка?

—Да ничего, просто сто лет твоё имя не произносил, — при-

знается он невесело и задумчиво повторяет, словно смакует. – Янка, Яна, Яночка...

У меня же опять ком в горле встает и глаза начинает жечь. Знаю, мы похожи на двух придурков, несём какую-то чепуху, но, что поделать, если мы такие и есть – два придурка, настолько истосковавшиеся друг по другу, что даже возможность с любовью обратиться по имени вызывает у нас сумасшедший восторг. Казалось бы, такая мелочь, но после всего, что мы пережили, каждое «Янка» и «Олежечка», каждый ласковый взгляд и легкое прикосновение бесценно.

И мы наслаждались этим подарком. Сплетали наши пальцы в замок, сравнивали их, прижавшись ладонями, соединяя линии жизни, любви и судьбы. Улыбались друг другу и каждую минуту целовались, точнее... лизались – иначе и не назовешь то, как мы изучали друг друга языками, с томительной нежностью сплетаясь ими и расходясь, словно в танце, постанывая от необходимости сдерживаться.

– Ты сладкий, – шепчу, заглядывая в его пьяные от желания глаза.

– А ты солёная, – отзывается он, обводя большим пальцем мои зацелованные губы.

– Тропикана-женщина. Горяча и бешена. А внутри солёная, словно кровь. Текила-любовь... – напела я, улыбнувшись.

– Точно, это про нас, – согласился он, невесело усмехнувшись, видимо, вспомнив полный текст. Я же от досады чуть

не взывала. Ну, не дура ли?! Нашла что напевать.

– Было про нас, – шепотом возразила, тяжело сглотнув.

Гладышев хмыкнул, у меня же внутри засвербело.

– Я...

– Молчи, – не позволил он пролиться потоку моего раскаяния, жестко припечатав. – Никогда об этом не говори! Мне не нужны ни твои извинения, ни уж тем более, оправдания. Логику твоих поступков я никогда не пойму, и легче мне не станет, поэтому это всё ни к чему. Я простил тебя, но раскладывать по полочкам – почему и зачем ты трахалась за моей спиной, не хочу.

Каждое его слово било наотмашь. Безусловно всё правда, и он прав, просто я отвыкла от этой его прямолинейной даже бесцеремонной манеры рубить правду – матку, и сейчас была обескуражена.

Отстранившись, я дрожащими руками потянулась за бутылкой воды, чтобы хоть как-то прийти в себя.

Мне было стыдно даже вспоминать о том, что я совершила, не говоря уже о том, чтобы обсуждать с Гладышевым «зачем и почему трахалась». Господи...

– Ян, – поднялся он с кровати и подойдя к окну, продолжил, вглядываясь в огни ночного города. – Я хочу, чтобы ты всё как следует обдумала. Сейчас в нас с тобой говорят эмоции, и кажется, что всё будет по-другому, но...

– Я за шесть лет, Олег, обдумала всё и ни один раз, – тяжело вздохнув, сказала я, понимая, что не получится у нас

отложить расстановку точек над «i» на потом.

– Это тебе сейчас так кажется, а потом эйфория пройдет, начнутся будни, и ты поймешь, что любить меня проще на расстоянии, – не скрывая иронии, парирует он. – Я ведь всё такой же, Ян. Помешанный на работе, занудный тип, а может, даже стал невыносимей, всё – таки не молодею. Конечно, я буду стараться, как – то свой желчный характер усмирять, но ты же сама понимаешь, шила в мешке не утаишь.

– Понимаю, Олеж, – мягко отзываюсь, не в силах сдержать улыбку. Какой он у меня всё-таки глупенький. Неужели всерьёз думает, что я за столько лет ничего не поняла?

– И ты готова с этим мириться? – повернувшись, приподнял он бровь.

Раньше я бы наверняка спросила – а почему это только я должна мириться? Теперь же я действительно понимаю – понимаю, что за мужчину выбрала, а потому смысла в этом вопросе не вижу никакого. Тут всё просто: либо мирится, либо даже не начинать отношения. И дело вовсе ни в какой-то там покорности. С Гладышевым не покорность нужна, с ним нужна хитрость. Раньше я мыслила примитивно и всё воспринимала в штыки, сейчас понимаю, что он такой же мужчина, как и все, а они устроены довольно просто: главное – не воевать с ними и не пытаться перевоспитывать. Это не значит, что нужно танцевать на задних лапах. Вовсе нет. Если бы смысл заключался в этом, то Гладышев бы давно женился на своей Алиске, но он почему-то здесь – обсуждает будущее

с женщиной, которая трахалась за его спиной.

Я много рассуждала о нашей совместной жизни, анализировала свои ошибки, перечитала гору книг по психологии, и пришла к выводу, что каких-то единых правил нет, кроме одного: постоянство температуры – залог здоровья не только любого живого организма, но и отношений между мужчиной и женщиной. Конечно, иногда надо повышать её, чтобы ликвидировать небольшую «простуду», но не переборщить, чтобы эта температура не начала сжигать и сам «организм». Проще говоря, Гладышев прав – в семейной жизни нет места скачкам, микроклимат должен быть всегда стабильным. «Термостат» же находится в руках женщины, главное – научиться им пользоваться с умом. Мне кажется, за эти годы я поумнела в достаточной мере, чтобы восстановить «здоровье» нашей семьи, поэтому без колебаний, уверенно отвечаю:

–Готова, Гладышев.

–Надеюсь, ты понимаешь, что речь идёт о переменах в жизни нашего сына, – продолжил он.

–Я понимаю, а ты? – задала я встречный вопрос, потому что знала, скандалов мы при всем желании не избежим, но скандал скандалу рознь, и мне бы не хотелось, чтобы сын стал свидетелем того, как его отец будет всячески оскорблять мать, а то и давать волю рукам. Я, конечно, не собираюсь доводить Гладышева до бешенства, но считаю не лишним напомнить, что ему тоже не помешает следить за своим

языком и действиями.

— Я, как и ты всё понимаю, Ян, вопрос в том — сможем ли? — устало вздохнув, резюмировал он и помедлив, сделал признание, от которого у меня внутри все стянуло огненным жгутом. — Я люблю тебя, люблю очень сильно, иначе не сошел бы столько лет с ума. Ты единственная женщина в моей жизни, к которой я испытывал такие чувства. Но...

— Обожаю эту часть, — не удержалась я от шпильки.

— В каком смысле? — нахмурился Олег.

— Ну... — протянула я, понимая, что сейчас не совсем уместно приводить очередную цитату, но раз уж начала, то надо закончить. — Как говорится, всё, что до «но» можно смело отбрасывать.

— Возможно, — усмехнулся Гладышев и в очередной раз резанул по больному. — Суть в том, что я больше не могу тебе доверять. И я не знаю, как мы будем строить отношения при таком раскладе.

— Понимаю, — тихо отозвалась я, опустив голову, чтобы не выдать предательских слёз, подступивших к глазам. Не получалось у меня спокойно принимать последствия собственных ошибок.

— Я просто хочу, малыш, чтобы ты не давала мне поводов для сомнений. Подумай, действительно ли тебе нужно это. Я улетаю завтра в Москву, неделю меня не будет, взвесь всё. Хочешь ли ты изменить свою устоявшуюся жизнь?

— Всё, чего я хочу, Гладышев, это ты. И другого ответа у

меня не было и не будет, – отрезала я.

–Тогда завтра же реши вопрос со своим бараном, а то он уже разводиться собрался, и верни ему всё, что он подарил, – потребовал Гладышев, отправляя меня просто в нокаут.

Глава 4

«Самые страшные преступления, самые жестокие убийства совершаются под эгидой любви.»

(с) Яна

Сказать, что я в шоке – не сказать ничего. Я, конечно, была готова к тому, что Олег, как всегда, поставит кучу условий и может быть, даже потребует заключить договор, но чтобы всё это доходило до такого абсурда... Нет, этого я не ожидала. И теперь не знала, то ли смеяться мне, то ли возмущаться.

Ну, в самом деле, какого чёрта? Может, и мне потребовать, чтобы он забрал у своей Алиске всё, что надарил за эти годы? А что? У меня ведь в своё время забрал, точнее, вышвырнул беременную на мороз в одной сорочке и нормально.

Конечно, он тогда не знал, что я в положении и да, у него были причины для гнева, но он ведь нас с Сашкой чуть не угробил! Я никогда не забуду те два месяца ада в тюрьме, когда загибалась, выблевывая свои легкие в этом вонючем медпункте, а после сходила с ума от ужаса, боясь, что наш сын родиться инвалидом или вообще не родиться.

Нет, я Гладышева ни в чём не обвиняю, просто до ужаса боюсь вновь оказаться финансово уязвимой и беспомощной. Поэтому для меня Пронинские подарки не вопрос принципа, а залог уверенности в завтрашнем дне. И я хочу, чтобы

Олег это понял и прекратил так ухмыляться, словно видит меня насквозь. Я готова к его проверкам: готова мириться с его характером, готова терпеть, готова... да ещё тысячи всяких этих «готова». В конце концов, о чём речь?! Но не забавы ради или в угоду его самолюбию, а когда это действительно необходимо.

—Что молчишь? — с «понимающей» усмешкой уточняет Гладышев.

—Ну, однозначно, не по тем причинам, о которых думаешь ты, — не в силах сдержаться, язвительно парирую я.

—Неужели?

—Да, Олег. Суть не том, что меня возмущает подобный «каприз», хотя возмущает, конечно, но я в состоянии справиться со своими эмоциями. И если уж тебе это действительно не даёт покоя, то я сделаю, как ты просишь.

—Но? — снисходительно улыбнувшись, присел он на край кровати.

—Нет никаких «но». Я просто не считаю нужным лицемерить и делать вид, что мне легко даётся это решение.

—А что так? Разве любовь не выше материальных благ? — продолжает он насмешничать. Прикусываю губу, изо всех сил стараясь проглотить крутящийся на языке резкий ответ, но не получается. Не могу. Я не хочу упрекать Гладышева или обвинять в чём-то, но если ему так необходимо покопаться в моём нутре — ради бога.

—Легко и просто тем, кто не погибает два раза в год от

хронического бронхита и не знает, каково это согласиться сохранить беременность, когда у тебя крупозная пневмония и врачи в один голос кричат, что ребёнок может родиться инвалидом.

Гладышев бледнеет, как полотно и отводит взгляд, но я не испытываю удовлетворения, поскольку не стремлюсь сравнивать счёт. Это раньше Яночка бы ликовала, а сейчас... Сейчас от той Яночки осталось разве что имя, и пора Гладышеву это понять.

—Я ничего не предъявляю тебе, Олег, -тяжело вздохнув, устало произношу я. — Но если так хочется препарировать меня, словно лягушку, то...

—Я понял, Ян, — перебивает он меня. На несколько минут повисает тягостное молчание, которое, если честно, прерывать совершенно не хочется. Мы оба наломали кучу дров и в равной степени виноваты в том, что с нами случилось, поэтому бессмысленно тыкать друг друга носом во всё это. Конечно, мне, как и всякой на моём месте, хотелось бы, чтобы Гладышев пал ниц, сожалея о том кошмарном эпизоде — что ни говори, а девичья любовь к мыльно-оперным сценам не искоренима, но кто-то должен быть взрослее и мудрее. А поскольку мужчины, даже будучи на двадцать лет старше, все равно остаются детьми, то приходится своё девичье «я» засовывать поглубже.

—Я сделаю, как ты просишь, — объявляю, подводя черту нашему нелегкому разговору. Гладышев явно не ожидал от

меня такого ответа и собирался что-то сказать, но в палату вошёл доктор, и пришлось свернуть лавочку, чему я была несказанно рада. После шести лет эмоционального штиля подобные карусели не просто выматывали, они опустошали, поэтому мне требовалась передышка. Олегу, видимо, тоже, поэтому он оставил меня наедине с доктором и ушёл в кафетерий.

Пока шёл осмотр, я успела собраться с силами и подготовиться к очередному раунду, но вернувшись, Гладышев, как ни странно, не торопился выяснять отношения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.